

7

8

9

10

11

12

13

14

подписания Версальского договора в 1919 году стали называть отцом победы. Но главную победу Клемансо только предстояло одержать.

Моне слепнет, теряет жену, сына, свою популярность и интерес к живописи. К работе его возвращает старый друг. Моне пишет монументальные «Кувшинки» (5) для парижской Оранжерии. Клемансо хлопочет об открытии музея. Моне срывается. Клемансо стоит на своем, уговаривает: «цветочный аквариум» призван стать послевоенной терапией для французов. «Моне, вы должны противостоять», — пишет он. — Этот заказ вы должны закончить ради Франции, ради всех тех молодых ребят, которые не вернулись с фронта». Клемансо открыл музей Оранжерии в мае 1927 года, спустя несколько месяцев после смерти своего друга.

Мирикусники и Сергей Дягилев

Сергей Дягилев был меценатом самопровозглашенным: он выдавал себя за человека обеспеченного, но денег у него не было. «Я, во-первых, большой шарлатан, хотя и с блеском. Во-вторых, большой шармер, в-третьих, большой нахал, в-четвертых, человек с большим количеством логики и малым количеством принципов, и, в-пятых, я, кажется, бездарность; впрочем, если хочешь, я, кажется, нашел мое настоящее значение — меценатство. Все мне дается, кроме денег, — *mais ça viendra*», — писал 23-летний Дягилев своей горячо любимой мачехе в Пермь из Петербурга, куда приехал с намерением стать великим музыкантом. Музыкантом он не стал, но через своего кузена Дмитрия Филофова сдружился с будущими художниками объединения «Мир искусства» (7) — Александром Бенуа, Константином Сомовым, Вальтером Нувелем. Приняли Дягилева с положенным высокомерием. «В общем, он показался нам “славным малым”, здоровяком-провинциалом, пожалуй, не очень далеким, немного *tette a tette*, немного примитивным, но в общем симпатичным», — отмечал Александр Бенуа в своих воспоминаниях. Художники и сами не заметили, как стали зависимы от его энергии, связей и умения добывать деньги. Журнал «Мир искусства» — вестник прогрессивных веяний в искусстве, о котором так мечтал Бенуа, — стал центром художественной жизни Петербурга, вокруг кипели страсти и скандалы, в мастерские мирикусников и на их выставки тянулись покупатели. Но как страстно Дягилев этот журнал издавал, так в один день и перестал.

Пегги Гуттенхайм и все-все-все

Американская коллекционерша и галеристка, племянница Соломона Гуттенхайма, Пегги Гуттенхайм (8,10) всеми правдами и неправдами поддерживала миф о том, что ни один живой сюрреалист, абстракционист, экспрессионист не прошел мимо ее кровати. Конечно! Какая коллекция без мифов? В кинобиографии (10) «Пегги Гуттенхайм. Одержимая искусством» (2015) она сама их расска-

зывает. Гуттенхайм попадает в Париж в развеселые 1920-е годы. Первая ее миссия — потеря девственности. Подходящий кандидат — «король богемы», поэт, художник и скульптор Лоранс Вейл, а от него и первые картины в коллекцию. Вскоре Вейл станет ее мужем и отцом двоих детей. Удачное замужество откроет ей путь к сердцам главных законодателей парижских арт-мод. Ман Рэй, Андре Массон, Сэмюэль Беккет, Марсель Дюшан, Жан Кокто, Фернан Леже, Альберто Джакометти, Марк Ротко, Тристан Тцара, Сальвадор Дали, Андре Бретон, Макс Эрнст, Ив Танги, Жан Арп, Василий Кандинский, Константин Бранкузи, Жоан Миро — чьих работ только не было в ее коллекции. «В день по картине!» — говорит Гуттенхайм в фильме. Эксперты говорят, что больше, особенно с началом войны, когда всем было не до искусства, а Пегги Гуттенхайм покупала и покупала, и многое за бесценок. Оставаться дольше в Париже было небезопасно. Пегги взяла все самое дорогое — коллекцию и художников, среди которых и новый муж Макс Эрнст, и махнула в Нью-Йорк. Там у дяди в музее, в Центре Гуттенхайма, который она язвительно называла гаражом, Пегги встретила юного столяра Джексона. Она, с подсказки Мондриана, заказала ему первую картину для своего дома. Столяр, живший на месячное пособие от Гуттенхайм, вырос в Джексоне Поллока (11). Художников открывали и до нее. Но таких харизматичных меценатов XX век еще не видел. «Самое успешное творение Пегги Гуттенхайм — она сама», — говорит в фильме галерист Ларри Гагосян.

Энди Уорхол и Жан-Мишель Баския

В истории этой дружбы нет меценатов. Баскию (13,14) привез к Уорхолу Бруно Бишофбергер — влиятельнейший арт-дилер и коллекционер из Цюриха, который любил заводить свое знакомство с молодыми художниками с фразы «Покупаю все!». После Уорхол написал о Баскии в своем дневнике: «Это тот парень, который подписывался SAMO, когда еще сидел на тротуаре в Гринвич-Виллидж и расписывал футболки, а я ему давал время от времени 10 долларов и посылал его в “Серендипити”, чтобы он попытался продать эти футболки там. Он один из тех, кто доводил меня до умопомрачения. Он чернокожий, кое-кто говорит, что он пуэрториканец, но, в общем, я не знаю. А тут вот Бруно его “открыл”, и теперь он не знает забот».

Они пообедали, щелкнули «селфи» (12) на полароид и разошлись, а через два часа у Уорхола дома уже стояла готовая картина, на которой они были вместе. Конечно, в их «дружбе» был заинтересован Бишофбергер. Художественные коллаборации тогда были новым инструментом, который арт-рынок жаждал использовать (на счету Уорхола и Баскии более двухсот совместных работ). Но со временем эта дружба переросла коммерческие интересы дилера. Для Уорхола Баския стал «зеркалом, отражающим, кем он был, кем он является и кем он мечтал быть». Когда же про влияние спрашивали Баскию, он отшучивался: «После знакомства с Уорхолом я стал все время носить чистые штаны!»